

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ПРИКАЗА В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Обеспечивая адекватность коммуникации, говорящий использует средства языка в соответствии со своей ролью, которая реализуется в конкретной ситуации общения. Речевой жанр при этом выступает как коммуникативный контекст, в котором проявляются социально-ролевые отношения коммуникантов. В публикации на материале русских народных сказок исследуются языковые средства выражения побудительного значения в речевом жанре приказа, соответствующем реализации высоких социальных ролей.

Ключевые слова: социально-ролевые отношения; речевой жанр приказа; побудительное значение; русские народные сказки.

В ходе социального взаимодействия каждый человек вступает в разнообразные ролевые отношения, реализация которых находит отражение в языке. Понятия «социальная роль» и «ролевые отношения» разрабатываются в рамках социологии и социальной психологии (В.И. Беликов, Р.Т. Белл, И.С. Кон), философии (В.В. Сметана), социолингвистики (В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Е.А. Найман), коммуникативной лингвистики (А.А. Байкулова, И.В. Гурьев, И.И. Дубинина), в аспекте речевого этикета (С.Н. Артаев, Н.И. Формановская). Представления о различных социальных ролях коммуникативных партнеров состоят в стереотипах, составляющих неотъемлемую часть манеры речи и поведения, иными словами, социальные роли говорящих не могут быть адекватно интерпретированы без соблюдения закономерностей речи и поведения, без речевого этикета, которому посвящены многочисленные работы лингвистов (А.А. Акишина, А.А. Балакай, А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская и др.).

Подавляющую роль играют одобренные обществом правила поведения (в частности, речевого), соответствующие ожиданиям каждого коммуниканта, занимающего определенную социальную позицию [1. С. 183]. Многообразные социальные роли в их соотношении, т.е. в парах ролей, могут быть сведены к трем типам (символы R_g и R_a обозначают роли говорящего и адресата, а знаки « \Rightarrow », « \Leftarrow » и « \Leftrightarrow » показывают соотношение этих ролей): 1) $R_g > R_a$ (роль говорящего выше роли адресата); 2) $R_g < R_a$ (роль говорящего ниже роли адресата); 3) $R_g = R_a$ (равные отношения). Отношения «выше» и «ниже» определены Л.П. Крысиным через понятие «зависимости». Это означает, что если социальная роль говорящего выше роли адресата в ситуации общения или в социальной структуре, адресат зависим от говорящего, и наоборот, если социальная роль говорящего ниже роли адресата, говорящий зависим от адресата. Равенство ролей партнеров осуществляется при отсутствии зависимости говорящих друг от друга [2].

Одним из ярких условий реализации социально-ролевых отношений являются императивные речевые жанры, коммуникативное ядро которых составляет выражение побуждения к действию.

В семантико-прагматической области изучение побудительного значения высказываний универсально и многоаспектно (Туул Банзрагч, М.Г. Безяева, М.Б. Бергельсон, М.М. Бикель, Л.А. Бирюлин, М.В. Емельянова, А.И. Изотов, В.Е. Иосифова, Г.П. Левус, И.В. Миляева, Ц. Саранцацрал, Л.А. Сергиевская, Е.Н. Сороченко, С.А. Сухих, Е.А. Тарасова, Е.А. Филатова, Н.И. Формановская, В.С. Храковский, Е.А. Шмелева

и др.). В исследовании побудительности особое место занимают работы, выполненные в сопоставительном аспекте (А.В. Дорошенко, М.В. Емельянова, А.Ю. Маслова, Ц. Саранцацрал). Продуктивным представляется изучение способов выражения побудительного значения через призму социально-ролевых отношений говорящих и их обусловленность речевым жанром.

Речевой жанр приказа включает следующие семантико-прагматические компоненты: 1) я (говорящий) имею полномочие побуждать тебя к действию, а ты (адресат) об этом осведомлен; 2) побуждение исходит от говорящего, имеющего достаточное право обязывать адресата к исполнению действия; 3) высокая социальная роль говорящего определяет набор норм, регламентирующих речь и действия коммуникантов.

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию речевых жанров позволяет говорить о широком разнообразии языковых структур, служащих для актуализации побудительного значения. В речевом жанре приказа эту функцию выполняют как отдельные лексемы, так и синтаксически неделимые сочетания, соответствующие установленным прагматическим и социальным критериям.

В текстах русских народных сказок побудительное значение речевого жанра приказа кодируется с помощью средств разных уровней языка. Центральное положение в выражении побуждения занимает императив (1), наибольшей частотностью характеризуется императив в форме 2-го лица: *Хозяин думает, что если парень отойдет, отнимет у него всю работу – лучше мастера стал! – и говорит ему: «Работник! Ступай в подземное царство, **принеси** оттуда мне ящичек; он стоит там на царском троне»* (Чудесный ящик) [4].

Интересно заметить, что в текстах русских народных сказок указанная форма выражения приказа (императив 2-го лица) используется не только в устной речи, но и в письменной: *Марко послал Василья домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь мое письмо, сейчас же **отправься** с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь возле большого кипучего котла, **толкни** его туда; да непременно **исполни!** А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый – мне злодей!»* (Марко Богатый и Василий Бесщастный).

Отрицательное побуждение (часто при этом реализуется запрет как разновидность приказа) выражается сочетанием императива глагола несовершенного вида с частицей *не*: *Прошло сколько-то времени, говорит шестиглавый змей: «Ну, сынок, вот тебе ключи от всех палат; всюду ходи – куда тебе захочется, только*

не смей заглядывать в одну палату. Что заперта двумя замками, золотым да серебряным» (Елена Премудрая).

Императив в форме 3-го лица с частицей *пусть/пускай* используется в ситуациях, когда приказ обращен к третьему лицу, которое представляет собой непосредственного исполнителя предписания совершить действие: *Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе? И присудили так: «Пусть он (сын) выстроит пятиглавый собор»* (Волшебное кольцо). Указанная форма императива нередко сопровождается конструкцией с союзом *чтобы* (*чтобы+глагол совершенного вида в форме прошедшего времени*), выражающей условие, осложняющее выполнение приказа: *Мать пришла к царю свататься. Выходит царевна и говорит: «Ну, старушка, скажи своему сыну: пусть он поставит об одну ночь в царском заповедном лугу новый дворец лучше дворца моего батюшки, и чтобы провел он от дворца до дворца мост хрустальный»* (Волшебное кольцо). Побуждение с частицей *пусть/пускай* часто употребляется в высказываниях с косвенно прямой речью (маркером становится частица *-де*), на побудительное значение при этом накладываются семантические оттенки разрешения, согласия: *Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идет. Увидала царевна из своих теремов, страшно перепугалась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый молодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царевна приедет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царевна (Чудесная курица).*

Для успешной реализации приказа вышестоящее положение говорящего представляется обязательным, в качестве реакции на приказ обычно следует неукоснительное, немедленное его совершение. Однако в некоторых ситуациях приказ повторяется: *Медведь и волки стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!» – «Ступай!».* Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном (Напуганные медведь и волки).

Другим доминантным средством выражения побудительного значения приказа в текстах русских народных сказок являются перформативные глаголы (2) *приказать, велеть, заставить*. Синтаксически действие выражается составным глагольным сказуемым, где перформативный глагол в форме 1-го лица единственного числа настоящего/будущего времени выполняет роль полузнаменательной связки, а инфинитив – роль смыслового глагола: *Закричал царь на дурака: «Что это за неуч такой! Я тебя велю расстрелить!»* (Свинка-золотая щетинка, утка-золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь). Реже перформативный глагол употребляется в сочетании с императивом: *Вышли из колечка триста молодцев и сто семьдесят богатырей и спрашивают у парня, что ему нужно. Он отвечает: «Вот что заставлю: первое – **сиибите** мою старую избу и **поставьте** на этом же месте каменный дом, и чтобы матушка моя про то не знала»* (Волшебное кольцо).

Форма инфинитива (3), выражая побуждение в речевом жанре приказа, подчеркивает категоричность, требование немедленного его выполнения: *«Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить: уже не он ли подложил чего?» – «Позвать его сюда!»* (Соль).

Для выражения краткости приказа используются неполные предложения (4), как правило, с опущенным главным членом при обозначении именуемого действия в предкесте: *Откуда ни возьмись выскочили – стали перед ним два молодца и спрашивают: «Что хочешь, чего изволишь?» – «Чтоб была здесь разбита палатка, в палатке кровать, а возле гулял олень золоторогий, золотохвостый»* (Свинка-золотая щетинка, утка-золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь). Особое место в русских народных сказках занимают неполные предложения, представляющие собой магические обращения, адресованные к персонажам-помощникам: *Мать, как вышел дурак к соседям, заперла дверь на крючок и сказала: «Из рожка!».* Сейчас выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить старуху; она кричит во все горло. Дурак услышал крик, бежит со всех ног, прибеж, хват – дверь на крючке; он и закричал: *«В рожок, в рожок!»* (Конь, скатерть и рожок).

При побуждении животных в русских народных сказках широко используются императивные междометия (5): *Стой! Но! Ну!* и т.д.: *Вот дурак задумал задать пир и созывает господ и бояр. Только они собрались и поуселись, дурак и приводит в избу коня и говорит: «Стой, добрый конь!» Конь рассыпался в серебро. Гости удивились и почали грабить себе деньги да прятать по карманам. Дурак сказал: «**Но!**» – и конь опять явился, только без хвоста (Конь, скатерть и рожок); *У волка сани поспели, и он запряг лошадь. «**Ну, ну; ну, ну!**» – лошадь ни с места (Лисичка-сестричка и волк).**

В высказываниях, содержащих побуждение к исполнению приказа, обнаруживаются разнообразные языковые средства, целью которых является передача оттенков, сопровождающих его (смягчение категоричности приказа, интенсивность требования к исполнению приказа), а также подчеркивающие отношение инициатора приказа к адресату. Так, присутствие в императивных высказываниях местоименного подлежащего *ты* нередко связано с тем, что оно, находясь в постпозиции, способствует смягчению категоричности приказа: *Иванушка царем стал и выбрал одного из чиновных людей, именем Лугу, призвал его к себе и говорил ему сицевые (сицевой – устар. такой – Даль) [5] слова: «Верный мой и добрый кавалер Луга! **Сослужи ты** мне службу: **поезжай** в мое отечество прямо к самому царю, **бей** ему от меня челом, **проси**, чтоб он отдал тебе виновного купца Абросима и с женою его Фетиньею, и когда он тебе их отдаст, то **привези ты** их обоим ко мне, а ежели не отдаст, то **скажи** самому царю от меня, что его государство огнем сожгу и самого царя в полон возьму»* (Сказка про утку с золотыми яйцами).

Социальные признаки присутствуют в значениях не только лексически и грамматически самостоятельных

единиц языка, но и таких, которые «реализуют свое значение лишь при сочетании с другими знаменательными словами» [6. С. 83]. Например, модальная частица *-ка* присоединяется к глагольным формам повелительного наклонения для смягчения приказа: *Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану: «**Поди-ка** ты, мой любезный сын, **сядь** под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить – добро или худо?» По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытном месте под мостом* (Скорый гонец). Частица *-ка* может использоваться не для смягчения приказа, а, наоборот, для усиления побуждения, т.к. говорящий уверен, что адресат должен исполнить указанное действие: *Жена взяла свое дитя, изрубил на мелкие части, сидит и разливается горючими слезами. Приехал муж и спрашивает: «Чего ты плачешь?» – «Как же мне не плакать? Твоя сестра-злодейка изрубил нашего детеныша». Брат приказал сестрице нарядиться: «**Приоденься-ка** да поедем со мною!» Не говоря ни слова, она оделась; брат взял топор и повез ее в лес* (Косоручка).

Особую группу составляют тексты, которые в данной публикации привлекаются с серьезной долей условности: в них глагол *приказать* и синонимичные ему используются в дескриптивном употреблении, т.е. они описывают действие. Однако в рамках рассматриваемой проблемы эти тексты представляются актуальными, потому что они описывают ситуации, в которых отражаются социально-ролевые отношения между участниками речевого жанра приказа. Ср.: *Иван очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд. Царь приказал его не задерживать, пропустить в палаты без всякой задирки* (Волшебный конь). Описание ситуаций подобного рассматриваемому типу реализуется также высказываниями с существительными *приказ, приказание: отдать приказ, приказ кого/чей* и др.: *Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого* (Чудесная рубашка); *Тотчас по царскому приказу приложили купеческому сыну печать ко лбу; отпустил его царь* (Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что).

Причины побуждения к выполнению приказа обычно намеренно скрываются: в прямой речи, в речи приказывающего, как правило, опускаются. При описании же ситуации посредством дескриптивного употребления глагола причины могут быть эксплицированы. *А чтоб по всему королевству нищая братия не плакала, приказал выдавать из казенных магазинов по кулю и по два на человека муки. И так-то за его солдаты и нищая братия бога молят* (Рога).

Выявленные языковые средства выражения побуждения в реализации речевого жанра приказа и в описании приказа в одном фрагменте текста нередко совмещаются. Типичной ситуацией является использование в словах автора глагола *приказать/приказывать* в дескриптивном употреблении, а в прямой речи персонажей – императива: *Прилетел петух к боярским хоромам, сел на ворота и кричит. Как услышал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь* (Петух и

жерновцы); *Ключница говорит, что у нее котик-золотой хвостик, повар говорит, что у него есть собака вислухая, король приказывает: «Приведите собаку вислухую в мою спальню»; а царица велит: «А ко мне приведите котика-золотой хвостик»* (Волшебное кольцо).

В исследованных текстах русских народных сказок встречаются случаи, когда описываются две рекомендованные к последовательному исполнению ситуации приказа: в текущей ситуации говорящий *приказывает* адресату совершить некоторые действия (*приказ-1*), а также передать *приказ-2* третьему лицу; передача приказа при этом может быть реализована в будущей ситуации общения: *Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке: «Возьми эту дорогую матерью и отнеси к баимачнику; пусть сделает баимачок на мою ногу, да как можно скорее»* (Вещий сон). Ср. ещё случай употребления разных средств выражения и описания побудительного значения при передаче адресатом приказа третьему лицу, когда исполнение приказа является условием для реализации какого-либо решения, действия: *Идет старуха домой, слезно плачет и говорит сыну: «Милое мое дитячко! Говорила я тебе, что не надобно на царевне свататься. Вот теперь царица приказывает тебе сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй об одну ночь новый дворец»* (Волшебное кольцо).

В качестве дополнительных средств описания ситуации приказа и демонстрации социально-ролевых отношений выступают наречия *вскоре, тотчас, не медля нимало, немедленно* и т.п., усиливающие значимость приказа или реакцию на него. Ср.: *Входит царица к царевичу в спальню и видит хрустальный гроб. Как и что? Распросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле* (Волшебное зеркало); *Отдал царевич приказание – и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос* (Вещий сон). Маркерами, выражающими категоричность речевого жанра приказа, являются наречия *строго, строго-накрепко*: *А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул* (Заколдованная Королевна).

Достижению коммуникативной цели приказа нередко служит угроза, которой приказ сопровождается. Условием актуализации угрозы является оценка говорящим ситуации, что он имеет особую возможность повлиять на собеседника. Совершение действия, указанного в угрозе, может быть нежелательным, однако обязательным для исполнения адресатом: *Месяца через два, через три приснился королю сон. Задумался король, что бы такое тот сон значил? Вот вздумал он послать за Асоном; рассказал ему свой сон и велел разгадывать, а сроку положил три дня: «Если в тот срок не отгадаешь, то все твоё имение на себя возьму»* (Вещий сон).

Как было отмечено выше, необходимым условием осуществления приказа является более высокая соци-

альная роль адресанта по сравнению с ролью адресата. Следовательно, в ситуациях, где асимметрия ролей коммуникантов по принципу Rг<Pa, приказ, исходящий от нижестоящего, может быть интерпретирован как настойчивая просьба или наказ: *Дурак взвел на двор и прямо привел коня к матери в избу, привел и дает ей строгий приказ: «Матушка! Не говори «стой»! Говори: «но»!»* (Конь, скатерть и рожок).

Исследованный материал свидетельствует о том, что в текстах русских народных сказок описываются ситуации, когда речевые жанры реализуются в более сложном варианте, чем можно оценить, ориентируясь на имеющиеся в тексте формальные маркеры какого-либо речевого жанра.

Так, императив глагола *приказывать* используется в ситуациях, когда говорящий – вышестоящий дает адресату возможность обратиться с просьбой. *Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит: «Дочери мои любезные! Что вам надобно, приказывайте, – все испущю на ярмарке». Старшая просит: «Купи мне, батюшка, новое платье». Середняя: «Купи мне, батюшка, шалевого платочек». А меньшая говорит: «Купи мне альенький цветочек»* (Перышко Финиста ясна сокола). Ср.: В ситуациях, когда говорящий просит у адресата, чтобы по его приказанию третий участник общения исполнил действие, употребляется конструкция императив глагола + инфинитив: *прикажи что-то сделать*. Заметим, что социальная роль адресата здесь выше ролей говорящего и третьего лица, а соотношение между говорящим и третьим лицом неизвестно. *На другой день нарядился Ох богатым купцом, пришел к самому царю и сказывает: «Твоя царевна нашла мое кольцо, прикажи назад отдать». Царь тотчас позвал свою дочь, велит отдавать кольцо. Осерчала царевна на купца, сняла кольцо с пальчика и бросила на-земь.* (Хитрая наука).

Сочетание *приказал кланяться* употребляется как синонимичное для передачи приветствия с демонстрацией подчеркнутого уважения, почтения: *На другой день лисичка опять прибежала к царю и говорит: «Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказал тебе низко кланяться и попросить пудовки; нужно размеривать серебряны деньги. Свои-то пудовки все запростаны у него золотом». Царь без отказа дал лисе пудовку* (Козьма Скоробогатый).

В рамках одного текстового фрагмента нередко реализуются или описываются побуждения, соотноси-

мые с действиями разных речевых жанров. Это такие случаи, когда одна побудительная ситуация из двух осуществлена, а реализация другой ситуации зависит от того, исполнит ли адресат действие, к которому его побуждают; ср.: *просьба+приказ: Царевич вырос не по годам, а по часам, по минутам; вырос такой сильно-могучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами* (Притворная болезнь); *совет+приказ: У великого князя была жена-красавица, и любил он ее без памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, как две капли воды на мать похожа. Говорит великий князь: «Дочь моя милая! Женюсь я на тебе». Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стала умильно плакать. Мать и говорит ей: «Вели купить себе платье – чтоб кругом были часты звезды». Отец купил ей этакое платье и пуце прежнего в нее влюбился* (Свиной чехол).

Анализ текстов русских народных сказок показал, что языковые средства выражения побуждения в речевом жанре приказа при реализации высших социальных ролей коммуникантов многообразны. Социально-ролевые отношения, основанные на приоритете власти или социального положения говорящего, обуславливают использование прямых средств выражения побуждения, в качестве которых в приказе выступают единицы лексико-морфологического и синтаксического уровней: 1) императив в форме 2-го лица и 3-го лица с частицей *пусть/пускай*; 2) перформативные глаголы *приказать/приказывать, велеть, заставить* в форме 1-го лица настоящего времени; с ними грамматически могут сочетаться формы *инфинитива* и *императива*; 3) форма инфинитива; 4) неполные предложения; 5) императивные междометия. Описание ситуаций речевого жанра приказа осуществляется с помощью глагола *приказать/приказывать* в форме единственного числа прошедшего времени и конструкции с существительным *приказ*: *отдать приказ, мой / его / ее приказ, приказ кого* и др.

Обращение к текстам русских народных сказок, отражающим речевой жанр приказа, позволило увидеть глубокое проникновение социально-ролевого фактора в ткань языка. При выражении побуждения в речевом жанре приказа проявляется коммуникативно-прагматическая специфика взаимодействия коммуникантов, обусловленная их социальными ролями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
2. Крысин Л.П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. 565 с.
3. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 544 с.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Под ред. П.И. Кочурина. М., 1957. Т. 1. 516 с.; Т. 2. 511 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2000. 779 с.
6. Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Русский язык в школе. 1983. № 3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 августа 2010 г.